

Научная статья

УДК 398.224:811.512.157'38

DOI 10.25587/2782-4861-2026-3-105-115

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ КОМИЧЕСКОГО В ЯКУТСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ – ОЛОНХО

М. Т. Гоголева¹, Е. М. Поликарпова², Е. П. Никифорова³

¹Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия

e-mail: mtgogoleva@mail.ru

²Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия

e-mail: poliem@mail.ru

³Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия

e-mail: moner2@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается лингвистический аспект комической составляющей поэтики якутского героического эпоса олонхо. Тема комического в олонхо частично затронута в трудах эпосоведов при исследовании художественно-изобразительных средств олонхо, но языковые средства передачи комического еще не получили специального освещения. Актуальность этой темы обуславливается тем, что в исследованиях по эпическому наследию народов мира сведений о комическом мало, как в общем плане, так и по части специальных средств выражения комического. Цель работы – определить используемые сказителями лингвистические средства, формирующие целостность структурно-смыслового содержания и функциональной роли народного смеха в художественной ткани олонхо. Материал для исследования получен в ходе комплексного анализа текстов олонхо, выбранных по содержанию комических элементов в олонхо. Методология опирается на виды филологического анализа фольклорного текста, как собственно лингвистический, предполагающий выявление языковых средств, образующих комический эффект; литературоведческий, рассматривающий особенности фольклорной поэтики и стилистический, направленный на изучение индивидуальных приемов использования языковых средств. В результате работы выявлена роль лексических, морфологических, синтаксических форм в передаче комического; показаны средства создания ситуативно-языкового юмора в текстах олонхо, их детерминированность как традицией, так и творческим подходом самого сказителя; определены лингвокультурологические аспекты понимания комического эффекта в фольклорном произведении. Новизна подхода и интерес для исследователей представляет то, что в поэтике олонхо, за исключением обязательного сатирического контекста в изображении отрицательных персонажей, комическое – не характерный, а дополнительный, динамичный элемент, имеющий специфические языковые средства, основной функцией которого является привлечение интереса слушателей к изображаемому, и, вследствие этого, обусловленный непосредственной реакцией слушателей. В перспективе работы рассматривается сравнительно-сопоставительное изучение эпического наследия народов на предмет углубления лингвистических исследований по проблемам языка фольклорного произведения. Практическая значимость работы заключается в привлечении новых сведений в изучение художественно-изобразительных средств олонхо, живой традиции сказительства.

Ключевые слова: язык олонхо; комическое; языковые средства; образы; лексика; морфология; синтаксис; поэтика, лингвокультурологический аспект, индивидуальный стиль

Для цитирования: Гоголева М. Т., Поликарпова Е. М., Никифорова Е. П. Лингвистические средства передачи комического в якутском героическом эпосе – олонхо. Эпосоведение. 2026, 3(43), С. 105–115. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-3-105-115>

Original article

Linguistic means of conveying the comic in the Yakut heroic epic Olonkho

Marina T. Gogoleva¹, Evdokiya M. Polikarpova², Evdokiya P. Nikiforova³

¹M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
e-mail: mtgogoleva@mail.ru

²M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
e-mail: poliem@mail.ru

³M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
e-mail: monep2@mail.ru

Abstract. The article examines the linguistic aspect of the comic component of the poetics of the Yakut heroic epic Olonkho. The theme of the comic in Olonkho is partially touched upon in the works of epic scholars when studying the artistic and visual means of Olonkho, but the linguistic means of conveying the comic have not yet received special attention. The relevance of this topic is due to the fact that in studies on the epic heritage of the people of the world, there is little information about the comic, both in general terms and regarding the specific means of expressing the comic. The purpose of the work is to determine the linguistic means used by the storytellers that form the integrity of the structural-semantic content and the functional role of popular humor in the artistic fabric of Olonkho. The material for the study was obtained through a comprehensive analysis of Olonkho texts, selected based on the content of comic elements in Olonkho. The methodology is based on types of philological analysis of the folklore text, namely linguistic, which involves identifying the language means that create a comic effect; literary, which considers the features of folklore poetics; and stylistic, aimed at studying individual techniques of using language means. As a result of the work, the role of lexical, morphological, and syntactic forms in conveying the comic was identified; the means of creating situational-linguistic humor in the texts of Olonkho were shown, as well as their determination by both tradition and the creative approach of the storyteller; the linguistic and cultural aspects of understanding the comic effect in a folk work were determined. The novelty of the approach and its interest to researchers lie in the fact that in the poetics of Olonkho, with the exception of the obligatory satirical context in depicting negative characters, the comic is not a characteristic but an additional, dynamic element, which has specific linguistic means, the main function of which is to attract the interest of listeners to what is being depicted, and, consequently, is conditioned by the immediate reaction of the listeners. In the perspective of the work, a comparative study of the epic heritage of peoples is considered in order to deepen linguistic research on the problems of the language of a folklore work. The practical significance of the work lies in attracting new information to the study of the artistic and expressive means of Olonkho, the living tradition of storytelling.

Keywords: Olonkho language; comic; linguistic means; images; vocabulary; morphology; syntax; poetics; linguoculturological aspect; individual style

For citation: Gogoleva, M. T., Polikarpova, E. M., Nikiforova, E. P. Linguistic means of conveying the comic in the Yakut heroic epic – olonkho. *Eposovedenie*. 2026, 3(43), pp. 105–115. (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-3-105-115>

Введение

Данную работу можно рассматривать как дальнейшее продолжение изучения темы комического в олонхо, изложенной в статье М. Т. Гоголевой «Народный смех в якутском героическом эпосе олонхо» (Гоголева, 2025). В указанной статье о фольклорно-поэтической природе этого явления, в которой рассмотрены структурно-смысловые особенности комических элементов в поэтике олонхо, выявлены функциональная характеристика народного смеха и отдельные лингвистические средства выражения, определяемые мастерством сказителя (Гоголева, 2025). Дальнейший интерес к теме народного юмора привел к проблеме исследования языковых средств передачи комических сцен в повествовательной части в олонхо.

Объектом исследования определено комическое составляющее поэтики олонхо, предметом – лексические, морфологические, синтаксические средства якутского языка, создающие комический эффект в эпосе. Теоретическая значимость работы усматривается в исследовании специфики художественно-изобразительных средств олонхо с учетом индивидуального стиля сказителя, проявляющегося в выборе им языковых средств для привлечения интереса слушателей. Использованы методы: имманентного анализа, рассматривающего художественную структуру текста через его стилевое своеобразие; лингвистического анализа в аспекте изучения композиционно-речевой структуры по функциональному назначению, по языку материала; лексико-семантический и функционально-семантический анализ языковых конструкций и др. Теоретико-методологический аспект работы основывается на фундаментальные положения о характере фольклорной поэтики, сформулированные известными исследователями фольклора: П.Г. Богатыревым в работе «Жанр героического эпоса в фольклоре народов, где автор предопределяет избирательность художественно-изобразительных средств в соответствии с эстетикой героического, масштабом и значимостью эпических событий, передаваемых из поколения в поколение» (Богатырев, 1971: 372); В.Я. Проппом отмечено: «Гипербола смешна только тогда, когда подчеркивает отрицательные качества, а не положительные. Это особенно хорошо видно в народном эпосе» (Пропп, 1976: 68); Л. Л. Габышевой: «Значение слова в фольклорном тексте, который еще сохраняет свою синкретичную структуру, опирается не только на текст, но и на «затекстовую» информацию: ходячие представления, мифы, обряды, приметы, обычаи и т. д. – все, что образует так называемую фоновую информацию» (Габышева, 2009: 5).

Богатый язык олонхо как неисчерпаемый источник всегда был в центре внимания литературоведов и лингвистов, в чьих трудах представлено разнообразие подходов к изучению проблем становления литературного языка, художественно-изобразительной мощи эпоса, теории языка и вопросов прикладных наук. Обращение олонхovedов к теме комического в якутском героическом эпосе связано с исследованиями частных вопросов художественно-изобразительной системы эпоса. Интересно наблюдение Л.В. Роббек относительно связующих элементов эпических формул: «Их можно рассматривать в качестве своеобразных, наиболее значимых элементов «языка-конструктора» (языка фольклора), которые присоединяются друг к другу с помощью более подвижных, непостоянных соединительных отрезков. Последние, связывая эпические формулы между собой, участвуют в построении целостного механизма языка олонхо» (Роббек, 2014: 23). Отметим, что это замечание важно для нашей работы, поскольку здесь говорится о некоем структурном инварианте, сохраненном в эпических формулах, которые не имеют строго фиксированного локуса. А это обстоятельство, в свою очередь, предоставляет определенные возможности для реализации авторского подхода к созданию эпического текста. Вместе с тем, известно, что характер смеха может иметь иную природу. Ритуальный смех в фольклорных текстах, в т. ч. и в олонхо, С. Е. Ноевой трактуется как аналог психологической инициации, имеющий разграничивающую функцию: «Воин, готовящийся к битве, отгораживается смехом, одним из основных идентификаторов живого мира» (Ноева, 2022: 450). В этом случае, смех как проявление обрядовой культуры менее подвержен творческому самовыражению исполнителя. Поэтому в выявлении языковых средств, передающих комические ситуации, придерживаемся функционально-семантического направления, развиваемого новосибирскими лингвистами, разделяемого языковедом Н. И. Даниловой: «В настоящее время функционально-семантические исследования на материале якутского языка проводятся, исходя из положения о доминирующей роли анализа языкового материала в направлении от смысла к формам его выражения, от функций к средствам их реализации» (Данилова, 2020: 84). Ниже рассмотрим, какие средства использует сказитель для придания изображаемому комического эффекта.

Языковые средства, используемые сказителями

Материал для исследования представлен из опубликованных в разное время текстов крупных олонхо: «Кёр Буурай» Н. С. Александрова-Ынта Никиитэ (Александров, 2000), «Ала-

Булкун» Т. В. Захарова-Чээбий (Захаров, 1994), «Тойон Ньургун» И. М. Давыдова (Давыдов, 2003), «Уол Дуолан бухатыыр» М. З. Мартынова (Мартынов, 2009), «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского (Ойунский, 1959), «Богатырь Ала Туйгун с конем будто пегий лев» Ф. Н. Тартакынова (Тартакынов, 2025).

В зачине олонхо

Содержание зачина олонхо – это подготовка слушателей к исполнению олонхо, представление эпического времени, исчисляемого с незапамятных времен, красочное изображение эпических трех миров, их населения. В зачине нередко сказитель рассказывает о себе, говорит о том, как он старается придерживаться вековой традиции сказительства, приводит имена знаменитых олонхосутов, послуживших ему примером. Этот отрывок очень хорошо прослеживается в знаменитом олонхо П. А. Ойунского «Ньургун Боотур Стремительный» (Ойунский, 1959: 6). В отдельных случаях сказитель подает себя в комическом образе незадачливого наблюдателя, который дивится всему тому, что видит кругом, и чем смешнее говорит он о себе, тем сильнее привлекает слушателей: *Ол улуу дьаалы дойду / Килбэйэр киинигэр / Лэһээччэх тэбэн тиийэн, / Холоруктуур кулугутугар / Тонкуччах ойон тахсан, / Илин диэки энээрин / Эргиччи көрөн / Илбиллэн турбутум* (Тартакынов, 2025: 9). – ‘На самый центр / Той грозной величественной земли / Прибежал я пузатенький, / Подпрыгивая на коротеньких ножках, / Поднялся я, / На вихрем крутящийся ось земли, / Словно подброшенный вверх тонкуччах (круглый отдел желудка), / Глядя на восток, / Стоял неподвижно’¹.

Смех вызывает контраст между величием картины эпической земли и нарочитой скромностью автопортрета сказителя, изображенного нелестными для себя производными от образных глаголов: *лэһээччэх тэбэн* (*лэһэй* – быть с большим, выпяченным, торчащим животом (о человеке маленького роста, обычно ребенка) (БТСЯЯ, 2009: 172); *тонкуччах ойон* – фонетический вариант-оканье от общеупотребительного существительного *танкычах* – отдел желудка у жвачных животных, книжка (БТСЯЯ, 2013: 216). Деепричастия *тэбэн, ойон* (в данном контексте – подпрыгивать во время ходьбы) участвуют в создании комического действия в составе подчинительного словосочетания. Завершающий штрих образу дает аналогичное словосочетание: *илбиллэн турбутум*, (деепричастие – *илбиллэн* от образного глагола *илбий* (выметать) (БТСЯЯ, 2006: 606) и глагола позиции – *тур* (стоять).

В дальнейшем образ сказителя встречается еще в нескольких местах: *Кыгаан кыччайбытым / Олоотоон оспойбутум* (Тартакынов, 2025: 9). – ‘Прищурившись, косо посмотрел, / досл.: Смотря наверх, / Узкими щелями глазел’; *Уон куннук сиртэн көрөн, / Олоочоохтоон тиийэн ...* (Тартакынов, 2025: 20) – ‘Увидев с дальнего пути длиной в девяти днях езды, / добравшись вприсядку’; ... *Буор булгунньах саба / Боруоктарын монууйан, / Молос гына түстүм*» (Тартакынов, 2025: 21) – ‘Преодолев порог, / Величиной с круглую горку, / Выставил вперед свое круглое выпуклое лицо’. Комичность ситуации в том, что в реальной жизни сказитель может иметь любую, в т. ч. привлекательную, внешность, но утрированный образ стороннего наблюдателя с явными внешними недостатками помогает сказителю оживлять повествовательную часть, и в то же время дистанцироваться от героического содержания отрывка. Здесь следует отметить неэквивалентность морфологического оформления выделенных элементов в оригинале и в переводе на русский язык, где происходят преобразования: *кыгаан кыччайбытым* – словосочетание состоит из деепричастия *кыгаан* (при переводе на русский язык это деепричастие трансформируется в глагол действия, а образный глагол *кыччайбытым* передает целую картину (прищурился, косо посмотрел’ – глагол-деепричастие-глагол); то же самое происходит и со словосочетанием *олоотоон оспойбутум*.

Второй пример построен на контрасте между дальностью расстояния, которое необходимо *преодолеть за девять дней пути* (эпическая мера длины), и несоответствующей этому долгову

¹ Здесь и далее перевод авторов

пути манерой передвижения человека – *олооччохтоон тийэн* (прибыл впрыскаду). Тип простого предложения с обособленными обстоятельствами образа действия позволяет сказителю в зависимости от реакции слушателей включать и другие меткие образные вставки для усиления комедийности момента. Как отмечено Р. С. Ильясовой: «Специфика языка фольклора заключается не только в том, что в нем употребляются формы неизвестные в обиходно-разговорном языке, но и в том, как сконцентрированы те или иные факты языка»².

На третьем примере одна только глагольная синтагма *молос гына тустум*, придает предложению комическое содержание, синтагма образована аналитическим способом в последовательности: образный глагол *молос*+деепричастная форма (*гына*) +вспомогательный глагол (*тустум*).

В изображении Мирового дерева-Аал Луук Мас

В образе Мирового дерева якутского олонхо воплощена универсальная концепция трехчленной модели мира, общая для многих народов мира. Аал Луук Мас олицетворяет единение человека с природой, в пространных живописных описаниях дерева преобладают антропоморфизм и психологизм. В единичных случаях сказитель в ходе повествования о мифическом дереве прибегает к комическому описанию, которое можно определить как эпическую формулу. В олонхо М. З. Мартынова «Уол Дуолан Бухатыыр» рассказывается о том, как с дерева стекает вниз и разливается по земле маслянистая жидкость, живительная сила которой превращает престарелых обитателей Срединной земли в молодых людей, полных жизненной энергии:

Сотон салыы сылдьан, / Уон тобустаах хаарыгар түһэн, / Туойар мэник, / Тустар иирээки буолан / Тобус сибийт добулга / Ойобомсугунан баппакка / Тутурунан барбыт эһэ үһү диэн, / Тойук-домоһ буолбут... (Мартынов, 2009: 29) – ‘Попробовал на вкус (и) / Превратился в девятнадцатилетнего молодца, / Стал задиаться, / Драться-бороться без разбору, / До верхнего мира девятирусного / Стал докучать похотью своей, / Под конец дед этот был сослан под стражей, / О чем сложили песню-легенду’...

А старуха восьмидесяти лет стала восемнадцатилетней и тоже начала приставать ко всем подряд: *Туойар мэник, Дьизэрэнкэйдир иирээки буолан, / Абыс сибийт хотунга / Эримсэбинэн баппакка, / Абыс сибийтэигэр тийэн / Ампаардаммыта үһү диэн, / Аат мингэ барбыт дойдута үһү... (Мартынов, 2009: 29) – ‘Загуляла после этого, / Будто сумасшедшая плясунья / (В местах) по восьми направлениям света / Стала известна развратностью-беспутством, / Когда дошла до восьмого света, / Заточили ее в амбар, / Из-за этого и пошла недобрая молва (о ней) на этой земле, говорят’.*

Как правило, при переводе на русский язык синтаксис текста подчиняется законам языка-реципиента и не отображает особенности исходного материала. Здесь гиперболизированная ситуация, своего рода типичный народный юмор, создается сложной синтаксической конструкцией, образующей союзное сложноподчиненное предложение с придаточным причины (*диэн*), в котором придаточное выражено простым предложением с обстоятельствами времени, причины, места и главным предложением с эвиденциальной частицей *үһү* (говорят). Второй эпизод тоже построен по схожей сложной модели, где в придаточном предложении поясняется причина того, о чем говорится в главном предложении.

В описании персонажей

В олонхо антиподы людского племени *айыы* – злобные существа *абаасы* изображаются в сатирическом плане. Сказитель не скупится на отрицательные сравнения, говоря об *абаасы*, используя смех-уничижение. Мы рассматривали такие примеры в вышеуказанной статье (Голева, 2025). Поэтому здесь приводим, характерное описание скорее траги-комической, чем сатирической ситуации, повествующей о последствиях необдуманного поступка обитателей

² Ильясова Р.С. Особенности языка устного народного творчества. *Universum: филология и искусствоведение*: электрон. научн. журн. 2021, 11(89) [Электронный ресурс]. URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/12561> (дата обращения: 01.05.2026)

Нижнего мира. В любопытстве узнать о подробностях битвы великих богатырей на Среднем мире они выглядывают из своего Нижнего мира:

Дьүлүргэн таас аартыкка / Быһа өгөйөн көрөбүт диэннэр, / Аҥаардыы харахтара тэһэ баран, / Үгүрэлээн төннөннөр, Үтүктэн гыналлара дуу, Өмүрэн гыналлара дуу, Үлтү сынньыһар мэник буоланнар, Буокаһыран-буомчаланан Өлөллөрө үһү диэн, Өс төрдө, / Үгэ баһа буолара үһү (Мартынов, 2009: 57–62) – ‘Выглянули через каменную пробоину-проход, / И тут же лопнуло у них по одному глазу, / Потрясенные увечьем, возвратились, затем, / То ли подражая кому, / То ли охваченные буйным приступом, / Стали биться друг с другом, / Так искалечены-изранены были насмерть, / Что стало началом предания, первой басней, говорят’. Схема синтаксической конструкции – союзное сложноподчиненное предложение, где основную смысловую нагрузку несет придаточное предложение с обстоятельствами причины, вводными предложениями, с обстоятельствами образа действия, причины – союз *диэн* и главное предложение, представляющее простое двусоставное предложение с эвиденциальной частицей *үһү*.

Смех вызывает алогичное поведение сынов абаасы, не присущее роду человеческому. Комизм ситуации, созданный по эпической формуле автора-сказителя, далее по тексту закрепляется в лексико-синтаксических повторах.

Симэхсин эмэхсин-старуха коровница, традиционно комический персонаж племени *айыы*, в олонхо «Ала Туйгун» Ф. Н. Тартакынова изображается как старуха-абаасы, у которой отрицательные качества до того сгущены, что вызывают только смех-презрение: *Сииртэн уратыны сэнээрбэтэх / Симэхсин эмэхсин, / Дьэбин тиис, / Чэлкэх ис / Хара ыт тириитэ / Хантырҕата ырбаахыта / Хабарҕатыгар эриллэн / Хантарҕа буолтун, / Хайыта тыыта-тыыта, <...> / Субу дойду гизнин / Муус молуой дьогдьуурун / Мунгууругар тахсан, / Мас мастаан мабыйа-мабыйа / Саманник диэн сарылыыр эбит...* (Тартакынов, 2025: 75–76) – ‘Старуха Симэхсин, / У которой только к чревоугодию интерес, / Ржавые зубы, / Гнилое нутро / Рвущая со злостью на себе мешающую ей нательную рубаху, / Изготовленную из шкуры черного пса, / Превратившуюся в скрученный на шею кожаный поводок, <...> / Стоя на самой вершине / Ледяного хребта этой земли / Изо всей силы ударяет-колет дрова, и / Орет истошным голосом вот о чем ...’.

Этот гротескный образ передается одним предложением – конструкцией, в которой грамматическая основа предложения отягощена многослойными обособленными второстепенными членами, привносящими по воле сказителя различные варианты детализирующего описания. Эту особенность фольклорного слога не раз подчеркивали исследователи: «Старинные и редкие лексемы не живут само по себе, а в составе фольклорного произведения, которое, являясь носителем национальной традиции, обеспечивает и сохранность рудиментов языка» (Лазарев, 2000: 132). Мастерство *олонхосу́та* (сказителя) нагляднее всего проявляется в том, как он использует богатство лексики родного языка, образуя новые слова с помощью малопродуктивных словообразовательных аффиксов. Приводим пример из вышеупомянутой статьи, где сказитель Т. В. Захаров-Чээбий, используя архаичные лексемы, живописно передает одеяние богатыря *баасы*:

«Үс сириэнэн түннэри үүдээһиннээх / Төттөрү эрбэхтээх өлүү лүнкээрийэ үтүлүгүн / Хоннобун анныгар диэри / Куру-куллуччу кэппит» (Захаров, 1994: 17). – ‘С трех сторон зала-танную гнилыми нитками / Будто гулкое преисподнее руковицу, / С большим пальцем, приделанным не с той стороны / Натянувший нелепо до самых подмышек’. Непереводимое слово *лүнкээрийэ* отсутствует в толковых словарях якутского языка, но полагаем, что значение слова может исходить от звукоподражательного слова *лүнк* (подражание гулкому звуку), а аффикс –*рий+э* придает слову ироничное звучание, как *несерьезность, несолидность* (ср. *Собо – собооруйа*).

Словосочетание *куру-куллуччу кэппит*, образованное от глагола действия и наречия образа действия с редупликацией, создает комический эффект, благодаря мастерству сказителя, использующему редкое образное слово в сочетании с формой интенсификации качественного прилагательного, выделенной в якутском языке диалектологом С. А. Ивановым (Иванов, 2014: 100).

То, что комический элемент в олонхо не относится к числу обязательных, косвенно свидетельствует тот факт, что в довольно крупном олонхо в 10317 строк «Тойон Ньургун» знаменитого сказителя из Таттинского улуса Иллариона Михайловича Давыдова, выигравшего конкурсы сказителей-олонхосутов еще в начале 40-х гг. XX столетия и в 1945 г. в Якутске, нами обнаружены лишь два примера юмористического характера:

Манньк сэн-сэбиргэл иччитэ Хайтах эбит диэтэххэ – / Унга диэкки өттүгэр / Уодайбыт быһыылаах, / Орбогор уостаах, / Олоочу этэрбэстээх / Уот оттор уорас хара уола / Олоччу мэлигир эбит. / Хангас диэкки өттүгэр / Халбайбыт ыстааннаах, / Хантайбыт этэрбэстээх, / Хабысхата суох саналаах, / Харамматах дьүһүннээх хамначчыт эмээхсин / Хасты мэлигир эбит (Давыдов, 2003: 27) – ‘Если взглянуть на него, каков он сам, владелец подобного вооружения, – / Нет у него совсем / Рослого работника, / С угрюмым темным лицом, / Выпяченными мясистыми губами, / В торбасах с короткими голенищами, / Следящего за очагом / По правую сторону жилища. / А на левой стороне / Вовсе нет домработницы-старухи / Неухоженного вида / С бестолковой быстрой речью, / В широких штанах, / Торбасах с загнутыми носками’.

Отрывок целиком представляет собой характеристику персонажа в традиционном стиле олонхо, составленную через прием описания домашней прислуги-комических персонажей, *которых мог бы иметь герой, но у него их нет*, и это существенно для понимания образа богатыря – он не заурядный человек, занимающийся мирскими делами, а воин с высокой миссией защиты племени *айыы*. Текст построен по сложной подчинительной схеме: первая часть – сложно-подчиненное предложение выступает как главное предложение ко второй части, состоящей из двух определительных придаточных предложений. В лексическо-семантическом плане наблюдается переход качественного прилагательного «*уодаҕар*» – ‘рослый, высокий, длинноногий’ (БТСЯЯ, 2015: 187) в глагол-причастие «*уодайбыт*» с аффиксом прошедшего времени *-быт*. Слова-архаизмы «*олооччу*» – ‘маленькие кожаные торбаса’ и «*хантайбыт этэрбэс*» – ‘торбаса с загнутыми носками’ указывают на тюрко-монгольский этнографический контекст. Второй пример из этого олонхо приводится ниже.

В жестах персонажей

Эпический репертуар сказителя у знаменитых олонхосутов чрезвычайно велик, иногда доходит до 20-30 сюжетов олонхо, и в каждом сказании по-разному изображаются как главные герои-богатыри, так и второстепенные персонажи со своим характером и манерой поведения. В олонхо И.М. Давыдова показан выразительный момент схватки Тойон Ньургунга с Муус Ту-мараалдыном из племени *абаасы*.

Эйиэхэ сытан биэрэр / Бу баар! – диэн баран, / Икки илин тиһин көтүрү анньан, / Хаансаар хара муннугар / Хантас гына түһүөр дылы / Хокуоска туттарбытыгар, / Анараа киһи бэркэ өһүргэнэр эбит. / Хокуоска эйиэхэ эр(э) баар дуо, / Миэхэ даа баар диэбитинэн, / Хардары хокуоска биэрэр. / Бэрт үрдүктүк хололоон / Биэрэр киһи эбит, / Үөһээ собуһунан биэрбитин / Аһаран биэрбитигэр, / Сыһа анньан хаалар. / Ол күнтэн бу күнгэ дылы / Охсуһуу хорохоото / Хокуоска буолбут эбит (Давыдов, 2011: 182–183) – ‘Вот тебе не противиться! (досл.: лечь, признавая поражение) – / С этими словами рукой, / Сложенной в кукиш, / Ударил в черный нос / С широкими ноздрями да так, / Что тот вскинул подбородок, / Выбил ему два передних зуба. / Обиделся тот сильно, / И, со словами: / «Не только у тебя кукиш имеется, / Вот, получай! – двинул вперед руку, / Но только не рассчитал / Высоту роста, промахнулся, / Дав противнику увернуться. / И в те времена, и в наши дни / Кукиш является предвестником битвы’. Обмен унижающими жестами, очевидно, более позднее привнесение в эпизод схватки богатырей, потому встречается редко, и в других олонхо изображению такого момента не придается большого значения, но данный отрывок примечателен тем, что здесь присутствует отрицание неприличного жеста – даже существо *абаасы* испытывает большую обиду, и, поддавшись гневному порыву, ошибается. В высмеивании сына *абаасы* угадывается исход поединка, что становится особенно ясно из последнего предложения. В создании этой трагикомической ситуации важная роль

отводится синтаксису текста, т. к. комическое формируется в результате последовательного описания действий персонажей (по схеме оригинала): прямая речь – бессоюзное сложноподчиненное предложение с придаточным причины; прямая речь – простые предложения с обстоятельствами образа действия – бессоюзное сложноподчиненное предложение с изъяснительными придаточными – простое двусоставное предложение.

В речи персонажей

В олонхо Н. Александрова-Ынта Никиитэ «Кёр Буурай» богатырь *абаасы Кюенчэ Беге* (Күөнчэ Бөбө) высмеивает богатыря *айыы Кёр Буурай* (Көр Буурай), выражаясь следующим образом:

Көр эрэ, бу түөкүн, / Суолга баппатах оууруо харах, / От сото, Ооһуй оуус, / Ыалга баппатах Ыарҕа атах, Лабаа тарбах, / Аһырын булбатах Салбаныкы саадьаҕай (Александров, 2000: 187) – ‘Ты смотри на этого негодяя, / Непутевого с глазами-бусинками, / Паука с травяными ножками / Неуживчивого, с ногами будто мелкий кустарник, / С пальцами как ветки, / Ненасытного, облизывающегося полосатого’. Здесь необходимо отметить, что в оригинале текста приведенные ниже именные словосочетания относятся к художественному приему-синекдохе, специфическому виду метонимии, причем *оууруо харах, от сото* являются фразеологизмами, обозначающими человека с маленькими глазками, хилым телом. Далее выделены: *ооһуй оуус* – сложное слово в значении *паук* (здесь: метафора); *ыарҕа атах, лабаа тарбах* – фразеологические сочетания, обозначающие человека с короткими ногами и со скрюченными пальцами; *салбаныкы саадьаҕай* – сочетание имен прилагательных (*салбаныкы* – фолькл.: о языке, большой и длинный, вечно жаждущий пищи (БТСЯЯ, 2011: 177); *саадьаҕай* – о масти крупного рогатого скота: с белой полосой вдоль хребта (БТСЯЯ, 2011: 67). Все выражение – оскорбительное обращение – построено на образных сравнениях, подчеркивающих ничтожество противника с точки зрения лингвокультурологии, недаром, *саадьаҕай* в разговорной якутской речи может иметь негативный оттенок, близкий к ругательству. Приведенный пример речи персонажей свидетельствует о том, что мастерство сказителя не в меньшей степени проявляется и в лексико-семантическом поле.

Заключение

Вышеизложенное позволяет нам сформулировать следующие выводы о наиболее характерных языковых средствах передачи комического в эпосе олонхо:

1. Специфика жанра героического эпоса не требует обязательного включения комических элементов в художественную ткань олонхо, поэтому наличие или отсутствие комического в рассмотренных текстах олонхо в значительной мере зависит от воли и мастерства сказителя, индивидуальный стиль которого предполагает свободное использование ситуативно-языкового юмора в зачине, описании Мирового дерева, изображении внешнего вида, речи и жестах персонажей, процесса их битвы.

2. Лингвокультурогический аспект поэтики комического в эпосе обеспечивает дополнительную семантику, которая в полной мере раскрывается лишь в оригинальных текстах, созданных в традициях эпической стилистики.

3. Языковые средства создания комических элементов отражены как в лексико-семантическом, так и в функционально-грамматическом плане. Лексический пласт, в основном, представлен в использовании фонетически созвучных слов и выражений, образных глаголов, выразительных собственных имен, архаизмов, фразеологизмов. Морфологические средства языка привлечены в создании комического эффекта через необычные способы словообразования, как малопродуктивные аффиксы, редупликация; посредством изменения словоформ, субстантивации, адъективации и др.

4. Анализ рассмотренных текстов показывает, что синтаксические средства являются наиболее продуктивными в создании комических ситуаций: это, прежде всего, завершенность юмористического нарратива текста, также соответствующий замыслу контекст высказывания,

особенно, при учете фоновой информации, где присутствует эффект неожиданности и контраста; это – использование сложных грамматических конструкций, состоящих из разных типов простых и сложных предложений, усиливающих выразительность синтаксическим параллелизмом, образующим эпические формулы и целые периоды, циклично повторяющиеся в тексте олонхо.

5. Изобразительные средства создания комического эффекта, используемые сказителем, показывают специфику индивидуального стиля автора, его предпочтения к выбору языковых средств, что представляет особый интерес для дальнейших исследований поэтики олонхо и эпического наследия народов мира.

Литература

- Александров, 2000 – Александров Н.С. *Көр Буурай: олонхо*. Якутск: Бичик, 2000. 192 с. (на якутском яз.)
- Богатырев, 1971 – Богатырев П.Г. *Вопросы теории народного искусства*. М.: Искусство, 1971. 544 с.
- БТСЯЯ, 2006 – Слепцов П.А. (ред.) *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта*: в 15 т. Т. III: (Буквы Г, Д, Дь, И). Новосибирск: Наука, 2006. 844 с.
- БТСЯЯ, 2009 – Слепцов П.А. (ред.) *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта*: в 15 т. Т. VI: (Буквы Л, М, Н). Новосибирск: Наука, 2009. 519 с.
- БТСЯЯ, 2011 – Слепцов П.А. (ред.) *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта*: в 15 т. Т. VIII: (Буква С – сөллөбөр). Новосибирск: Наука, 2011. 572 с.
- БТСЯЯ, 2013 – Слепцов П.А. (ред.) *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта*: в 15 т. Т. X: (Буква Т: Т – төһүүлээ). Новосибирск: Наука, 2013. 576 с.
- БТСЯЯ, 2015 – Слепцов П.А. (ред.) *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта*: в 15 т. Т. XII: (Буква У: У). Новосибирск: Наука, 2015. 598 с.
- Габышева, 2009 – Габышева Л.Л. *Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти*. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
- Гоголева, 2025 – Гоголева М.Т. Народный смех в якутском героическом эпосе-олонхо. *Вестник филологических наук*. 2025, (12), С. 185–190. <https://doi.org/10.62257/2782-5329-2025-12-185-190>
- Давыдов, 2003 – Давыдов И.М. *Тойон Ньургун: олонхо*. Якутск: Бичик, 2003. 240 с. (на якутском яз.)
- Данилова, 2020 – Данилова Н.И. Семантические методы в изучении якутского языка. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2020, 2(31), С. 80–87. <https://doi.org/10.25693/SVGV/2020.31.2.009>
- Захаров, 1994 – Захаров Т.В.-Чээбий. *Ала-Булгун: олонхо* / Пер. Г.В. Баишев-Алтан Сарын. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1994. 104 с. (на якутском яз.)
- Иванов, 2014 – Иванов С.А. *Морфологические особенности говоров якутского языка*. Новосибирск: Наука, 2014. 248 с.
- Лазарев, 2000 – Лазарев А.И. Фольклор как источник знаний о родном языке. *Фольклор и фольклористика*. 2000, 1(2), С. 124–138.
- Мартынов, 2009 – Мартынов М.З. *Уол Дуолан бухатыыр: олонхо*. Якутск: Бичик, 2009. 257 с. (на якутском яз.)
- Ноева, 2022 – Ноева (Карманова) С.Е. Смех как инициация: функционирование элементов смеховой культуры в якутских фольклорных текстах. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2022, 3(20), С. 139–150. <https://doi.org/10.25205/1818-793502022-20-3-139-150>
- Ойунский, 1959 – Ойунский П.А. *Ньургун Боотур Стремительный: олонхо*. Полн. собр. соч. Т. 4. Якутск: Кн. изд.-во, 1959. 324 с. (на якутском яз.)
- Пропп, 1976 – Пропп В.Я. *Проблемы комизма и смеха*. М.: Искусство, 1976. 186 с.
- Роббек, 2014 – Роббек Л.В. *Лексико-семантические особенности языка якутского героического эпоса олонхо*. Новосибирск: Наука, 2014. 140 с.
- Тартакинов, 2025 – Тартакинов Ф.Н. *Богатырь Ала Туйгун с конем словно пегий лев: олонхо на якутском яз.* Якутск: Дани-Алмас, 2025. 200 с.

References

- Aleksandrov NS. *Ker Buurai*. Yakut heroic epic. Yakutsk: Bichik Publ., 2000. 192 p. (in Yakut)
- Bogatyrev PG. *Questions of the Theory of Folk Art*. Moscow: Art Publ., 1971. 544 p. (in Russian)
- Sleptsov PA. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language. Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta*: in 15 volumes. T. III: (Letters G, D, Дь, И). Novosibirsk: Nauka Publ., 2006. 844 p.
- Sleptsov PA. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language. Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta*: in 15 volumes T. VI: (Letters L, M, N). Novosibirsk: Nauka Publ., 2009. 519 p.
- Sleptsov PA. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta*: in 15 volumes. T. VIII: (Letter S). Novosibirsk: Nauka Publ., 2011. 572 p.
- Sleptsov PA. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language. Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta*: in 15 volumes. T.X: (Letter T). Novosibirsk: Nauka Publ., 2013. 575 p.
- Sleptsov PA. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language. Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyldyta*: in 15 volumes. T.XII: (Letter Y: Y). Novosibirsk: Nauka Publ., 2015. 598 p.
- Gabyшева LL. *Folklore text: semiotic mechanisms of oral memory*. Novosibirsk: Nauka Publ., 2009. 143 p. (in Russian)
- Gogoleva MT. Folk laughter in the Yakut heroic epic-olonkho. *Philological Sciences Bulletin*. 2025, (12), C. 185–190 (in Russian). <https://doi.org/10.62257/2782-5329-2025-12-185-190>
- Davydov IM. *Toyon Nurgun*. Yakut heroic epic. Yakutsk: Bichik Publ., 2003. 240 p. (in Yakut)
- Danilova NI. Semantic methods in the study of the Yakut Language. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2020, 2(31), pp. 80–87 (in Russian). <https://doi.org/10.25693/SVG/2020.31.2.009>
- Zakharov TV.-Cheebiy. *Ala-Bulkun*. Yakut heroic epic. Trans. by G.V. Baishev-Altan Saryn. Yakutsk: Sakhapoligraphizdat Publ., 1994. 104 p. (in Yakut)
- Ivanov SA. *Morphological features of dialects of the Yakut language*. Novosibirsk: Nauka Publ., 2014. 248 p. (in Russian)
- Lazarev AI. Folklore as a source of knowledge about the native language. *Folklore and folklore studies*. 2000, 1(2), pp.124–138. (in Russian)
- Martynov MZ. *The boy is a hero*. Yakut heroic epic. Yakutsk: Bichik Publ., 2010. 257 p. (in Yakut)
- Noeva (Karmanova) SE. Laughter as Initiation: The Functioning of the Elements of Laughter Culture in Yakut Texts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2022, 3(20), pp. 139–150 (in Russian). <https://doi.org/10.25205/1818-793502022-20-3-139-150>
- Oyunsky PA. *Nyurgun Bootur the Swift. Yakut heroic epic. Complete collection of works*. Vol. 4. Yakutsk: Book Publ., 1959. 324 p. (in Yakut)
- Propp VYa. *Problems of Comedy and Laughter*. Moscow: Art Publ., 1976. 183 p. (in Russian)
- Robbek LV. *Lexical and semantic features of the language of the Yakut heroic epic olonkho*. Novosibirsk: Nauka Publ., 2014. 140 p. (in Russian)
- Tartakynov FN. *The hero Ala Tuigun with a horse is like a piebald lion*. Yakut heroic epic. Yakutsk: Dani-Almas Publ., 2025. 200 p. (in Yakut)

Об авторах

Гоголева Марина Трофимовна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра «Методика обучения якутскому языку, литературе и работа с молодежью», Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: 0000-0002-9685-4056, e-mail: mtgogoleva@mail.ru

Поликарпова Евдокия Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, кафедра «Методика обучения якутскому языку, литературе и работа с молодежью», Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: 0000-0002-3518-6963, e-mail: poliem@mail.ru

Никифорова Евдокия Павловна, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка и литературы, Филологический факультет, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: 0000-0001-8436-9611, e-mail: monep2@mail.ru

About the authors

Marina T. Gogoleva, Cand. Sci. (Pedagogy), Asst. Prof., Department of Methodology of Teaching Yakut Language and Literature and Youth Work, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal university, ORCID: 0000-0002-9685-4056, e-mail: mtgogoleva@mail.ru

Evdokiya M. Polikarpova, Dr. Sci. (Pedagogy), Prof., Department of Methodology of Teaching Yakut Language and Literature and Youth Work, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal university, ORCID: 0000-0002-3518-6963, e-mail: poliem@mail.ru

Evdokiya P. Nikiforova, Dr. Sci. (Pedagogy), Head of the Department of Methodology of Teaching Russian Language and Literature, Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal university, ORCID: 0000-0001-8436-9611, e-mail: monep2@mail.ru

Вклад авторов / Authors' contribution

Гоголева М.Т. – разработка концепции исследования, методология, проведение исследования, создание черновика рукописи, редактирование рукописи, руководство исследованием

Поликарпова Е.М. – разработка концепции исследования, методология, проведение исследования, создание черновика рукописи

Никифорова Е.П. – разработка концепции исследования, проведение исследования, создание черновика рукописи, редактирование рукописи

Marina T. Gogoleva – conceptualization, methodology, investigation, writing – original draft, writing – review & editing, supervision

Evdokiya M. Polikarpova – conceptualization, methodology, investigation, writing – original draft

Evdokiya P. Nikiforova – conceptualization, investigation, writing – original draft, writing – review & editing, supervision

Конфликт интересов / Conflict of interests

Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 04.05.2026

Поступила после рецензирования / Revised 27.06.2026

Принята к публикации / Accepted 28.08.2026